

Юрий Дрюков

РОССИЙСКИЕ ИСТОРИИ

Служение

Любовь

Рыцарство

Юрий Дрюков

**Российские истории.
Служение. Любовь. Рыцарство**

«Издательские решения»

Дрюков Ю.

Российские истории. Служение. Любовь. Рыцарство /
Ю. Дрюков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981616-0

В книге, в жанре нон-фикшн, представлены исторические деятели Российской империи. Статьи о Румянцеве, Орлове и Аракчееве написаны в соавторстве с кандидатом исторических наук, доцентом Санкт-Петербургского государственного университета Татьяной Вадимовной Бурковой.

ISBN 978-5-44-981616-0

© Дрюков Ю.
© Издательские решения

Содержание

...Румянцева победам...	6
Алехан из рода Орловых	16
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Российские истории. Служение. Любовь. Рыцарство

Юрий Дрюков

© Юрий Дрюков, 2020

ISBN 978-5-4498-1616-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

...Румянцева победам...

Вы займёте в моем веке несомненно превосходное место предводителя разумного, искусного и усердного. За долг почитаю вам отдать всю справедливость и, дабы всем известен сделался мой образ мысли об вас и мое удовольствие об успехах ваших, посылаю к вам орден святого Георгия первого класса.

Из письма Екатерины II

П. А. Румянцеву. 1770 г. [июля 27]

(После императрицы Румянцев стал первым кавалером этого ордена, которым был награжден за победу при Ларге.)

Через две недели после победы при Ларге Румянцев одержит еще более блистательную викторию при Кагуле, в честь которой в Екатерининском парке Царского Села установят Кагульский, или Румянцевский обелиск.

*В тени густой угрюмых сосен
Воздвигся памятник простой.
О, сколь он для тебя, кагульский берег, поносен!
И славен родине драгой!*

Так написал об этом монументе Александр Пушкин.

На пьедестале обелиска надпись:

«В память победы при реке Кагуле в Молдавии, июля 21 дня 1770 года, под предводительством генерала графа Петра Румянцова Российское воинство числом семнадцать тысяч обратило в бегство до реки Дуная турскаго визиря Галиль-Бея с силою полторастатысячною».

Читая эти строки, так и хочется вспомнить другие – из былины об Илье Муромце:

«... Заперлись черниговцы в каменный собор, плачут, молятся, смерти дожидаются: подступили к Чернигову три царевича, с каждым силы сорок тысячей.

Разгорелось у Ильи сердце. Осадил он Бурушку, вырвал из земли зелёный дуб с камнями да с кореньями, ухватил за вершину да на татар бросился. Стал он дубом помахи-вать, стал конём врагов потаптывать. Где махнёт – там станет улица, отмахнётся – переулочек. Доскакал Илья до трёх царевичей, ухватил их за жёлтые кудри и говорит им такие слова:

«...Разъезжайтесь-ка вы по своим местам, по своим ордам да разнесите весть, что родная Русь не пуста стоит, есть на Руси могучие богатыри, пусть об этом враги подумают»...

И насколько похожей на тот бой будет битва при Кагуле.

«...В это время десятитысячный отряд турецких янычар обрушился на каре Племянникова, нарушив общий строй и препятствуя действиям Олица... Вскрикнув: „Алла! Алла!“ – они бросились на нас в кинжалы, – вспоминал участник сражения. – Мы не то чтобы дрогнули, но некогда было спохватиться. Вдруг, откуда ни возьмись, на коне богатырском взвился граф Петр Александрович полетом соколиным, подскакал к нам и воскликнул: „Ребята, стой!“ И душа у нас встрепенулась, и ноги как будто к земле приросли, и ни одна чалма не выбилась из каре»...

Среди самых известных исторических личностей Российской империи второй половины XVIII в. граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский занимает одно из первых мест – выдающийся русский полководец и государственный деятель, генерал-фельдмаршал, кавалер российских орденов Святого Апостола Андрея Первозванного, Святого Александра Невского, Святого Георгия 1-го класса и Святого Владимира I степени, прусского Чёрного орла и Святой Анны I степени, почётный член Императорской Академии наук и художеств.

Он станет одним из организаторов русской регулярной армии. Убежденный в преимуществе наступательной тактики, Румянцев создаст новые формы ведения боя, изложенные им в «Правилах генеральных» и «Обряде службы».

Атакуя более многочисленного противника, полководец старался использовать особенности местности, сочетание фронтального наступления с ударами во фланг и тыл; разнообразные боевые порядки – каре (особое построение пехоты в форме четырехугольника, чтобы можно было обороняться против неприятеля со всех сторон и главным образом против кавалерийских атак), колонны и рассыпной строй. Он уделял особое внимание взаимодействию всех родов войск, а также армии и флота, организации блокады крепостей и разведке.

Его стратегия потом будет блестяще развита великими русскими полководцами Суворовым и Кутузовым.

По свидетельствам современников, граф Румянцев был высокого роста, стан имел стройный, величественный; физиономию привлекательную, чуждую притворства, всегда спокойную; важная походка придавала ей некоторую гордость; отличался превосходною памятью и крепким сложением тела: не забывал никогда, что читал и видел, не знал болезней и на семидесятом году жизни своей мог проезжать верхом в день пятьдесят верст и даже подумывал о новой женитьбе...

Родился Пётр Александрович 4 января 1725-го – в год смерти Петра Великого.

Его отцом был генерал-майор Александр Иванович Румянцев – дипломат, военачальник и адъютант Петра I.

Мать, Мария Андреевна, из родовитой и состоятельной фамилии Матвеевых, долгие годы занимала почетное положение при дворе.

Возможно, не желая видеть единственного сына облаченным в военный мундир, отец отправил его в конце 1739 г. (т. е. когда тот достиг 14-летнего возраста) к дипломатическому представителю России в Берлине. Но накануне своего отъезда Пётр решительно заявил, что во что бы то ни стало добьётся своего быстрого возвращения. И действительно, вскоре в Петербург пошли реляции обескураженного попечителя о «лености, забиячестве и мотовстве» молодого Румянцева, который считает, что «...у него к гражданскому чину и обучению оному весьма склонности нет, но хочет солдатом быть, которым по его превращенному мнению, ничего знать или учить, окромя того, что к солдатскому делу принадлежит, не надобно».

Уже через несколько месяцев юноша отзывается из Берлина.

В результате хлопот Румянцева-старшего Петра определяют в Сухопутный шляхетский кадетский корпус.

При этом, так как сообщения о его «лености, забиячестве и мотовстве» стали известны Анне Иоанновне, в Указе из Кабинета министров сообщалось, что «Ея Императорское Величество указала генерала Румянцева сына, Петра Румянцева, определить в Кадецкой корпус и на оното и поступки его иметь особливое крепкое смотрение».

Но это «крепкое смотрение» было не особенно долгим, так как уже через 2 месяца приказом генерал-фельдмаршала Миниха Румянцев в чине подпоручика был отправлен в действующую армию.

Там он смог отличиться в сражениях русско-шведской войны 1741—1743 гг.

Отец посылает его, уже в чине армейского капитана, в Петербург с известием о заключении Абоского мирного договора.

Императрица Елизавета Петровна была настолько довольна прекращением войны со Швецией, подтвердившей условия Ништадтского мирного договора и признававшей за Россией её приобретения в Прибалтике, что пожаловала молодого Румянцева прямо в полковники, а его отца, Александра Ивановича Румянцева, принимавшего участие в составлении этого договора, – в графское достоинство вместе с потомством. Таким образом, и сын его, Пётр Александрович, стал графом.

Общая атмосфера елизаветинского царствования располагала к вольготной и беззаботной жизни, поэтому похождениям новоиспеченного полковника просто не было числа.

Он превосходил товарищей в удалстве и отчаянности, пламенно любил прекрасный пол, был обожаем женщинами и не знал никаких препятствий, а потому однажды даже устроил обучение батальона перед домом ревнивого мужа, находясь при этом в костюме Адама.

Молва о «худых поступках» и «продерзостях» Румянцева все чаще и чаще стала доходить до императрицы, которая однажды заявила: «Ежели б де я в те числа сведала, то б отцу велела сказать, чтоб он унял, а ежели б он того не учинил, то де я более власть имею, нежели он, его унять...».

Родители всеми силами пытались образумить сына. Отец шлет ему письмо за письмом, умоляя прекратить безобразия, «Ибо уже двадцать третьей год Вам, то пора постоянное быть...»

А потом уже и в более резкой форме: «Знай же, что я уже в Ваши дела вступатца не буду: живи, как хочешь, и хотя до каторги себя доведи, слова никому не молвлю, понеже довольно стыда от Вас натерпелся.

Мне пришло до того, что или уши свои зажать и худых дел Ваших не слышать, или отречься от Вас...»

Но юношеским забавам и легкомысленному поведению вскоре приходит конец, так как начинается серьезная взрослая жизнь.

В 1748 г. Пётр женится на княжне Екатерине Михайловне Голицыной – дочери генерал-фельдмаршала Михаила Михайловича Голицына.

После же смерти отца в 1749-м – он вступает во владение всей семейной собственностью.

В 1756 г., когда началась Семилетняя война с Пруссией, Румянцев имел чин генерал-майора.

Первое серьёзное столкновение русской армии с прусскими войсками произошло при селении Гросс-Егерсдорф 19 августа 1757 г.

Как писал участник этого сражения Андрей Тимофеевич Болотов, «Пруссаки давно славились тем, что они умеют пользоваться временами и случаями, и чрез самое сие искусство часто малыми людьми великие армии разбивали». Поэтому и здесь они прибегли к приёму внезапности, чтобы «воспользоваться нашим замешательством и, не выпустив нас вон из нашей норы, передуть, как кур».

Неприятель напал на русскую армию, когда та, покинув место стоянки и пройдя лесными дорогами, начала выходить на Егерсдорфское поле.

Лесисто-болотистая местность мешала быстрому развёртыванию, поэтому русским войскам пришлось биться отдельными группами.

«Храбрые наши полки стояли сперва, как непреоборимая стена, твердо; они отстреливались сколько было силы от неприятеля, и целые два часа удерживали его наглость и стремление».

Пруссаки атаковали всё напористей, русские же продолжали отбиваться от них и сражались так, что Фридрих II потом скажет: «этих людей легче перебить, чем победить».

«Иной, лишившись руки, держал ещё меч в другой и оборонялся от наступающих и рубящих его неприятелей.

Другой, почти без ноги, весь изранен и весь в крови, прислонясь к дереву, отмахивался ещё от врагов, погубить его старающихся.

Третий, как лев, рычал посреди толпы неприятелей его окруживших и мечом очищал себе дорогу, не хотя просить пощады и милости, не смотря, что кровь текла у него ручьями по лицу.

Четвертый отнимал оружие у тех, которые его, обезоружив, в неволю тащили, и собственным их оружием их умертвить старался.

Пятый, забыв, что был один, метался со штыком в толпу неприятелей, и всех их переколоть помышляя.

Шестой, не имея пороха и пуль, срывал сумы с мертвых своих недругов и искал у них несчастного свинцу, и их же пулями по их стрелять помышляя...»

В это время резерв из четырёх пехотных полков, которым командовал Румянцев, находился за лесом.

Услышав звуки жестокого боя, Румянцев приказал солдатам бросить всё лишнее и налегке продираться через эту, считавшуюся непроходимой, чащобу.

«Приход их был самый благовременный...»

Свежие сии полки не стали долго медлить, но, давши залп и подняв военный вопль, бросились прямо на штыки против неприятелей, и сие решило нашу судьбу и произвело желаемую перемену... прежняя прусская храбрость обратилась в трусость...»

В 1758 г. Румянцеву было присвоено звание генерал-поручика, и он возглавил дивизию.

1 августа 1759 г. в Кунерсдорфском сражении – наиболее кровопролитном сражении этой войны – его дивизия располагалась в центре русских позиций.

Именно её со всей яростью атаквали прусские войска после смятия ими левого фланга, где они захватили более ста орудий и несколько тысяч пленных. Торжествующий Фридрих II, уверенный в скором и окончательном успехе, даже отправил в Берлин гонцов с радостной вестью о победе.

Дивизия Румянцева, однако, несмотря на сильный артиллерийский обстрел и натиск тяжёлой кавалерии Зейдлица – лучшей силы пруссаков – смогла отбить это нападение неприятеля и сама бросилась в штыковую контратаку, которую возглавил лично Румянцев.

Фридрих в ужасе смотрел на отступление своих войск. В совершенном отчаянии он остановился в самом опасном месте боя, и воскликнул: «Ужели для меня не найдется ядра!» Под ним были убиты две лошади, мундир его был прострелен в нескольких местах, возле него пали три адъютанта. Наконец ядро поразило в грудь его третьего коня.

Офицеры осаждали его просьбами покинуть этот смертоносный участок. «Когда все бегут, я один останусь на месте», – ответил он и вонзил свою шпагу в землю.

Несколько прусских гусар насильно увлекли его с собой, спасая от плена.

Правда, на поле боя останется знаменитая треуголка Фридриха II, которая станет экспонатом Эрмитажа.

Вечером он напишет в Берлин своему министру Финкенштейну: «Из 40000 человек у меня осталось только 3000. Я не могу более располагать войском. Подумайте о безопасности Берлина. Я не переживу моего несчастья... Прощайте навсегда!»...

Победа в сражении при Кунерсдорфе, за которую Румянцев будет награждён орденом Святого Александра Невского, выдвинула его в число лучших полководцев русской армии.

Пруссия находилась на грани полного поражения.

В Берлин войдет корпус Чернышева, а корпус Румянцева заставит капитулировать мощную крепость Кольберг и добудет в качестве трофеев сто сорок шесть орудий, 33 тысячи ядер и бомб, 500 тысяч пуль и двадцать знамён.

Фридрих II уже намеревался отречься от престола и носил с собой яд.

Но тут из Петербурга пришло спасительное для него сообщение о смерти Елизаветы Петровны.

Русским императором становится Пётр III – сторонник и поклонник прусского короля. Поэтому Россия выходит из войны и заключает союз с Пруссией.

Русскую армию теперь готовят к борьбе за прусские интересы. Командование войсками поручается Румянцеву, которому Пётр III пожаловал звание генерал-аншефа и наградил орденами Святой Анны и Святого Апостола Андрея Первозванного...

И снова всё меняется, когда к власти приходит Екатерина II. Она принимает компромиссное решение: союз с Фридрихом расторгнуть, но всё завоеванное вернуть.

Румянцев, получивший уже новые указания, не присягал государыне до тех пор, пока не удостоверился в кончине Петра III, что сделало его отношения с императрицей довольно натянутыми. Он даже просится в отставку.

Но Екатерина II определяет его генерал-губернатором в Малороссию, президентом тамошней Коллегии и главным командиром малороссийских казацких полков, запорожских казаков и украинской дивизии.

«В новой должности Румянцев уничтожил злоупотребления, вкравшиеся в присутственные места; вселил в молодых малороссиян любовь к регулярной службе, коей они до того чуждались; строгою справедливостью истребил страх и недоверчивость, питаемые жителями того края к великороссийским войскам; доставил подвластному ему народу разные облегчения в повинностях; обратил особое внимание на сбережение казенных имений, посредством хозяйственного благоустройства; поспособствовал развитию торговли, открытию учебных заведений, благоустройству городов, дорог, связи и т.п.»

Начавшаяся в 1768 г. русско-турецкая война снова призывает полководца на поля сражений.

Еще живы воспоминания о неудавшемся Прутском походе Петра I против Османской империи летом 1711 г.

Тогда окружённая со всех сторон турецкими войсками русская армия оказалась в безнадёжном положении. И только благодаря заключению мирного соглашения, по которому Турция возвращала себе Азов и побережье Азовского моря, войска Петра I были спасены от полного разгрома...

Кампания 1770 г. станет триумфом военной карьеры Румянцева, а победы русского оружия – образцовыми в истории военного искусства, ведь русская армия теперь везде разбивала мусульман, несмотря на их численное превосходство.

17 июня близ урочища Рябая Могила генерал Румянцев с армией в 38 тысяч человек выступит против 70-тысячной армии турок под командованием хана Каплан-Гирея.

Для нападения на хорошо укрепленный турецкий лагерь Румянцев разделил свои силы на четыре отряда. Первый, возглавляемый им, должен был нанести фронтальный удар. Два других – атаковать фланги, а четвертый, переправившись через реку Прут, напасть на неприятеля с тыла.

Все подготовительные маневры между отрядами Румянцева провел ночью, что для того времени было просто немыслимым делом.

Турки ничего не успели понять, когда на рассвете были одновременно атакованы со всех четырех сторон.

Уже через час турецкое войско обратилось в бегство.

Неприятель потерял около 400 человек убитыми и несколько сотен ранеными. Потери русских составили лишь 46 солдат.

Следующий бой произошел 7-го июля у реки Ларга.

Армия мусульман под предводительством трех пашей и хана крымского состояла уже из восьмидесяти тысяч человек.

«Неприятель с таковыми великими силами имел лагерь на превысокой и неприступной горе с обширным ретраншементом (внутренними оборонительными оградами. – *Авт.*) и его канонада командовала всею окрестностью», – писал Румянцев.

Правый фланг неприятельского лагеря прикрывался оврагами и рекой Бабикул, с фронта – рекой Ларга, а левый – примыкал к реке Прут.

Имея вдвое меньше сил, Румянцев принимает решение переправить основную часть войск – 33 тысячи человек и 90 орудий – на левый берег Ларги, чтобы атаковать правый фланг турецкого лагеря.

Чтобы скрыть от противника свои намерения, Румянцев построил эти силы в боевой порядок в 8 верстах от турецкого лагеря с соблюдением звуковой и световой маскировки.

Оставшиеся войска выстроились против центральной части лагеря в несколько каре. Они должны были привлечь к себе внимание противника и, таким образом, облегчить успех флангового удара.

Встревоженный неприятель тут же открыл по ним сильную пушечную пальбу.

Румянцев приказал атаковать основными силами правый фланг, а сам поскакал к войскам, бившимся по центру.

Храбрые гренадеры, воодушевлённые присутствием полководца, штыками и грудью провергали укрепления, брали пушки, быстро неслись на крутую гору и в одно мгновение ока взлетели на высоту холмов.

Не выдержав ударов с двух сторон, турки и татары сначала отступили от лагеря, а затем, бросив артиллерию, обоз и знамена, бежали, потеряв около тысячи человек.

Наши потери убитыми и раненым – 91 человек.

Сражение началось в 4 часа утра и закончилось в 12 дня.

По утверждению турецкого хрониста, хан Каплан-Гирей, узнав о внезапном нападении русских войск, пожертвовал своей казной, велел рассыпать ее по всему лагерю, чтобы превратить полки неверных в стадо мародеров.

Он же, отступив недалеко, с отрядом верных всадников только ожидал подходящего момента, чтобы контратаковать «гяуров» и перебить их, когда они увлекутся дележом сокровищ...

Но ханская казна так и осталась лежать на земле. А русская кавалерия преследовала побеждённого неприятеля еще много-много верст.

Ведь Румянцевская армия «предпочитала славу оружия пред всеми земными выгодами».

Румянцев рапортовал: «Не только место лагеря, что под нашей теперь пятою, но и всеми пушками, коих с первого взгляду считаем до тридцати, артиллерийскими запасами, палатками, разною провизией, посудю, скотом и каков только был багаж, мы в свою корысть завладели».

За эту победу он получит высший полководческий орден империи – святого Георгия 1 степени.

Победы у Рябой Могилы и на Ларге приблизили русскую армию к решению основной задачи кампании – овладению устьем Дуная и всей территорией по Пруту и Днестру.

Но в середине июля турецкая армия под началом верховного визиря Халил-паши, численностью 100 тысяч конницы и 50 тысяч пехоты, имеющая 1810 орудий, вышла к реке Кагул и стала готовиться к ответному нападению.

«Я проникнул, что турки хотят меня атаковать, – писал Румянцев, – и пленные утвердили, что с тем приготовились они к вчерашнему дню».

Положение создалось наикритическое. Впереди – многочисленные войска визиря, который уже послал 80 тысяч татарской конницы в тыл русской армии. Для прикрытия транспортов с продовольствием и охраны тыла Румянцев вынужден был выделить 10-тысячный отряд, оставив в своём распоряжении всего 27750 человек, включая и нестроевых, 6 тысяч конницы, 118 орудий.

«Но дознавши не раз, что не числом, а храбростию и усердием приобретаются военные успехи, и в последнем полагаясь на войски, коими щастие имею командовать, решился я не дожидаться на себя везирской атаки, но упредить его оною с своей стороны».

В основу плана сражения при Кагуле был положен решающий удар в направлении левого фланга при подсобном значении фронтальной атаки, имевшей целью отвлечь и сковать силы противника, а затем развивать успех главного удара.

На рассвете 21 июля войска, наступающие по центру, построились в боевой порядок из пяти отдельных каре, расположенных в некотором отдалении друг от друга, чтобы крестообразным огнем не только удерживать в повиновении турецкую конницу, но и защитить свою собственную, поставленную в пустых промежутках каре, позади пушек.

Измученные отчаянным мужеством малочисленных русских и их наглостью, турки открыли ураганный огонь из всех своих пушек. В атаку бросились янычары, но русские каре, поражая их со всех сторон, начали уверенно продвигаться вперед. Одновременно вышедший в тыл неприятелю корпус Репнина открыл по турецкому лагерю сокрушительный артиллерийский огонь.

Турки оказывали отчаянное сопротивление. Одна из турецких атак была настолько остервенелой и молниеносной, что построение каре Племянникова оказалось смятым.

И тут, среди всеобщей сумятицы боя, раздался громовой голос Румянцева, который влетел на коне в самую гущу схватки с криком: «В штыки!».

Каре Племянникова сдвинуло свои ряды и...

И янычарам уже оставалось только одно – спасаться бегством.

Через тройные рвы россияне взлетели во вражеские укрепления.

«И тогда увидел визирь и вся его армия, что не могут более держаться, стали они подаваться назад, а мы тем жесточае их потеснили, доколе выбили с укрепления и обратили всех в наглой бег к Дунаю...

Во время сражения визирь и Магометом, великим своим Пророком, и салтанским именем силился восстановить опрокинутых, но все кричали ему в ответ: «нет сил наших сбить с места россиян, которые огнем как молнией разят».

Сто сорок орудий, шестьдесят знамен, множество военных снарядов и две тысячи пленных достались победителям. Около сорока тысяч врагов погибло во время битвы и преследования.

Наш урон не превышал тысячи человек – 350 убитыми и 550 – ранеными.

За это сражение Румянцев удостоился звания генерал-фельдмаршала, а специально для нижних чинов была учреждена медаль на голубой андреевской ленте с надписью «Кагул, июля 21 дня 1770 года».

Очень скупой на похвалы Фридрих II нашел необходимым написать победителю при Кагуле: «Полная победа, которую одержали вы над турецкою армиею, приносит вам тем более славы, что успех ее был плодом вашего мужества, благоразумия и деятельности... Мое уважение и дружество к вам совершенны».

Румянцев считал, что «разбить с малым числом многочисленного неприятеля есть дело искусства и великой славы, быть побежденным многочисленностью весьма естественно, но при этом храбрость и слава на стороне того, кто решается презирать многочисленность».

Он смог создать такую армию, которая свято верила в него и просто боготворила своего полководца.

Как потом вспоминали его гренадеры, «...при батюшке нашем графе Петре Александровиче, хотя и жутко нам было, но служба веселая; молодец он был, и как он бывало взглянет, то как рублем подарит, и оживлял нас особым духом храбрости».

Именно дух храбрости и вёл румянцевских солдат от одной великой победы к другой....

Румянцев говорил, что «к их славе я присоединю ту только истину, что я прошёл всё пространство степей до берегов Дунайских пред неприятелем, не делая нигде полевых укреплений, а поставляя одно мужество и добрую волю их во всяком месте за непреборимую стену»...

В честь победы при Кагуле в Екатерининском парке Царского Села по проекту архитектора Антонио Ринальди был установлен мраморный 4-гранный обелиск высотой 10,8 м.

Правда, в текст надписи на пьедестале вкралась небольшая ошибка – русских войск было не семнадцать, а тридцать восемь тысяч, а вот то, что они смогли обратить в бегство 150-тысячное воинство турок, как мы уже знаем, – истинная правда.

Рядом с Кагульским обелиском любила прогуливаться Екатерина II. Именно здесь с ней встретится Маша Миронова – героиня пушкинской «Капитанской дочки».

«...Марья Ивановна пошла около прекрасного луга, где только что поставлен был памятник в честь недавних побед графа Петра Александровича Румянцева. Вдруг белая собачка английской породы залаяла и побежала ей навстречу. Марья Ивановна испугалась и остановилась. В эту самую минуту раздался приятный женский голос: „Не бойтесь, она не укусит“. И Марья Ивановна увидела даму, сидевшую на скамейке противу памятника. Марья Ивановна села на другом конце скамейки...»

В кампании 1771 года русская армия полностью овладела территорией по левому берегу Дуная в его среднем и нижнем течении.

Вскоре было заключено перемирие, но весной 1773 г. военные действия возобновились. Война закончится только в 1774-м. Румянцев с 50-тысячным войском выступит против 150-тысячной турецкой армии, которая, избегая битвы, сосредоточится на высотах у Шумлы. Румянцев с частью своего войска обойдет турецкий стан, отрезая визирю сообщение с Адрианополем. Это вызовет в турецкой армии такую панику, что визирь примет все мирные условия.

10 июля 1774 г. был заключен Кючук-Кайнарджийский мирный договор, по которому Россия получила во владение огромные территории, крепости Кинбурн, Керчь, Еникале и Азов. Была провозглашена независимость от Османской империи Крымского ханства, кубанских татар и др.

В указе Екатерины II Правительствующему Сенату от 10 июля 1775 г. будет сказано: «... Господину генералу-фельдмаршалу графу Румянцову всемилостивейше жалуется похвальная грамота с прописанием службы его в прошедшую войну и при заключении мира, со внесением различных его побед и с прибавлением к его названию проименования Задунайского; за разумное полководство алмазами украшенный повелительный жезл или булава; за храбрые предприятия – шпага, алмазами обложенная; за победы – лавровый венец; за заключение мира – масличная ветвь; в знак монаршего за то благоволения – крест и звезда ордена святого апостола Андрея, осыпанные алмазами; в честь ему, фельдмаршалу, и его примером в поощрение потомству – медаль с его изображением; для увеселения его – деревня [в] пять тысяч душ в Белороссии; на построение дома сто тысяч Рублев из кабинета; для стола его – сервис серебряной, на убранство дома – картины...»

Румянцев снова возвращается в Малороссию. Но в 1776 г. его вызывают в Петербург, чтобы он сопровождал цесаревича Павла Петровича в Берлин на помолвку с принцессой Вюртембергской Софией Доротеей (будущей императрицей Марией Фёдоровной).

Семилетняя война не принесла Фридриху II территориальных приобретений, зато доставила ему громкую славу по всей Европе. Даже во Франции и Австрии у него было множество восторженных сторонников, считавших прусского короля лучшим полководцем своего времени. Правда, прусская армия, снискавшая своему полководцу прозвище «Великого», не выдержала столкновения с русской армией, потому что, как говорил Фридрих II: «Русского солдата мало убить, его нужно еще и повалить».

Поэтому он, очень хорошо запомнивший штыковые атаки румянцевских grenадеров, встретил русского фельдмаршала с самыми высокими почестями. При этом король держал в руке уже новую треуголку, так как прежняя была потеряна им в Кунерсдорфском сражении,

«Приветствую победителя оттоманов, – обратился Фридрих Великий к Румянцеву, который преклонил перед ним победоносное чело свое. – Вы должны гордиться победами вашими, которые передадут имя Румянцева позднешему потомству».

Король возложил на фельдмаршала орден Черного Орла, а своему генеральному штабу приказал явиться на квартиру к Румянцеву с почтением и с поздравлениями.

Войсками под командованием самого Фридриха на потсдамском полигоне будет представлена картина Кагульской баталии.

В Берлинской Академии наук в речи, произнесенной в честь наследника Престола Российского, особо отметят роль Румянцева: «Да будет герой этот долгое ещё время ангелом-хранителем России! Распространив ужас своего победоносного оружия за Дунаем, он ныне украшает берега Шпреи доблестями, не менее славными... Но чтобы достойно возвеличить мужа, который с храбростью Ахиллеса соединяет добродетели Энея, надобно вызвать тени Гомера и Вергилия...»

Во время этого приветствия Румянцев сидел подле короля, между тем как два принца Брауншвейгские и три Вюртембергские стояли...

Возвратясь в Отечество, граф Пётр Александрович снова вступил в управление Малороссией. Одновременно он продолжает обдумывать вопросы устройства российской армии. В мае 1777 г. в своем докладе Екатерине II он напишет, что мы должны «сразмерно способам и доходам своим ополчаться, и весьма уважать их источник, который мы поныне один к содержанию воинских сил имеем: я разумею народ, дающий для войска и людей и деньги, чтобы не размерным и бесповоротным взиманием оный не оскудить, и братья за средства такие, чтобы к поре грозящей и запас в деньгах иметь, и силы наши не чувствительно для самих умножать мы могли...»

Императрица продолжает благосклонно относиться к великому полководцу, но всё больше и больше уделяет внимание Потёмкину.

В русско-турецкой войне (1787—1791 гг.) Румянцев уже на вторых ролях. Потёмкин только один раз побывал у фельдмаршала. Изредка он посылал к нему дежурного генерала с приветствием. «Остальные генералы из подлости и раболепства редко посещали графа... Один только граф Александр Васильевич Суворов оказывал ему уважение; после всякого своего дела и движения, посылая курьера с донесением главнокомандующему, особенного курьера посылал с донесением и к престарелому фельдмаршалу так, как бы он еще командовал армией...» Война закончится подписанием Ясского мирного договора, который закрепил за Россией всё Северное Причерноморье, включая Крым.

Но Потёмкин умрет, и поэтому, когда национально-освободительная борьба в Польше достигнет наивысшего накала, Екатерина II снова обратится к Румянцеву, чтобы он возглавил войска, тем более что «всё войско самое любит вас и сколь оно порадуетя, услыша только, что обожаемый Велизарий опять их приемлет, как детей своих, в свое попечение».

Оставаясь на Украине, Румянцев подвигал вперёд разные корпуса своей армии, снабдил Суворова словесным наставлением, сосредоточил полки под его знамена и благоразумными распоряжениями содействовал подавлению сопротивления восставших.

Хотя фактически во главе армии встал Суворов, но он преклонялся перед военным гением Румянцева и считал его приказания непререкаемыми.

За взятие Праги Суворов был удостоен высшего воинского чина фельдмаршала, а также пожалован имением в 7 тысяч душ и получил многочисленные награды.

Эти два великих полководца вместе представлены и на памятнике Екатерине II, и на памятнике «Тысячелетие России».

Учитывая же заслуги Румянцева, Екатерина II повелела 1 января 1795 г. «Сенату Нашему подвиги его [Румянцева] засвидетельствовать новою похвальною грамотою... сверх того пожаловали Мы ему в потомственное владение деревни; на вечную же память заслуг его воздвиг-

нуть ему на иждивении казны Нашей, дом, с принадлежащими к нему внутренним убором и пред оным соорудить памятник, истребовав от него уведомление, в столице ли, или же в которой из своих деревень он предпочтет те строения, и представя Нам план и сметы, дабы Мы об отпуске потребной суммы могли учинить распоряжение».

Но Императрица умрет 6 ноября 1796 г.

А вскоре, 8 декабря, сражённый апоплексическим ударом «к сожалению целого отечества, генерал-фельдмаршал граф Пётр Александрович Румянцев-Задунайский в вечность преселился». Его похоронят в Киево-Печерской лавре.

Император Павел I повелел наложить военный траур на три дня, объявив при этом: «Румянцев во время царствования отца и матери моей прославился в России более чем Тюренн во Франции... за что и воздаю такую честь его памяти, какой еще ни один полководец не имел в моем Отечестве».

Значение Румянцева будет оценено и потомками.

Д. Ф. Масловский, русский военный историк и генерал-майор, в книге «Записки по истории военного искусства в России», вышедшей в 1894 году, напишет:

«Краткий перечень и общая характеристика деятельности фельдмаршала гр. Румянцева-Задунайского ближе всего выясняют выдающееся ею значение в истории военного искусства в России... В этом смысле Румянцев был самым видным полководцем после Петра Великого, не имеющим себе равного и до позднейшего времени»...

В феврале 1798 г. Павел I повелит отпустить 82 441 рубль на сооружение на площади между Летним садом и Ломбардом обелиска в память побед генерал-фельдмаршала Румянцева-Задунайского. Составить проект памятника будет поручено архитектору Винченцо Бренна.

В начале 1799 г. обелиск «Румянцова победам» будет установлен на Марсовом поле, близ реки Мойки, напротив дома, пожалованного полководцу Екатериной II. Высота памятника составит 21,3 метра.

Но в 1801 г., когда рядом с ним поставят памятник Суворову, обелиск «Румянцова победам» перенесут на противоположный конец Марсова поля.

В 1818 г. по инициативе архитектора Карла Росси памятник снова сменит своё место. На этот раз его установят на плацу между зданиями Академии художеств и Первого кадетского корпуса (Меншиковский дворец), в котором, хоть и не очень долго, учился будущий фельдмаршал, «дабы юные питомцы сего училища... созерцали монумент его славы».

Позже вокруг памятника будет разбит сад.

Сейчас величественный обелиск, увенчанный золочёным бронзовым орлом с победно поднятыми крыльями, стоит в окружении высоких деревьев. И даже не очень заметен издали. Скромно стоит. Но ведь скромность была присуща и самому великому полководцу.

Когда Екатерина II пожелала, чтобы Румянцев-Задунайский, по примеру римских полководцев, «имел въезд в Москву на триумфальной колеснице сквозь торжественные ворота», то он решительно отказался от таких почестей.

Алехан из рода Орловых или авантюризм и победоносность Чесменского героя

*«Плохой тот солдат, который не думает быть генералом,
а еще плоше тот, который слишком думает, что с ним будет».*
А. Ф. Погосский. «Солдатские заметки»

Городок Вильфранш-сюр-Мер, уютно расположившийся на побережье Средиземного моря, – один из многочисленных курортов Лазурного Берега.

Но это не совсем обычный курорт.

Набережную его глубокоководной бухты украшают бюсты трех российских героев – Фёдора Ушакова (флотоводец, адмирал, святой Русской православной церкви) и братьев Орловых – Алексея и Фёдора.

Кстати и сама бухта Вильфранш ранее называлась бухтой Орловых.

Братья прославились во время войны с Турцией в 1768—1774 гг., по завершению которой в состав Российской империи вошли Новороссия и Северный Кавказ, а Крымское ханство перешло под её протекторат.

Одной из самых значительных побед в этой войне станет разгром Турецкого флота в Чесменском сражении. Соотношение потерь – 1: 1000. Турки потеряли около 10 тысяч матросов и офицеров. Русские – всего 11 человек.

В современной России «День победы русского флота в Чесменском сражении (7 июля 1770 г.)» входит в число 17-ти Дней воинской славы, которые сыграли решающую роль в отечественной истории.

На вопрос: «А где же происходила эта знаменательная битва?», обычно отвечают: «Конечно же, на Чёрном море! Ведь с Турцией тогда воевали».

Но Россия не имела в то время на Чёрном море своего военного флота, поэтому сражение произошло в Эгейском море.

Отправка российских кораблей из Кронштадта в Средиземноморье была воспринята и союзниками России (Англией и Австрией) и её противниками (Францией и Турцией) как абсолютно нелепая, а скорей даже просто безумная затея.

Но... «Сказочный русский морской поход, который, по предсказаниям чуть ли не всей Европы, мог кончиться страшной катастрофой, завершился блистательной победой» (Е. В. Тарле).

Да, это была явная и очень рискованная авантюра, и поэтому её осуществление Екатерина II поручила Алексею Орлову.

Ему только 34 года, у него нет боевого опыта, да и от морского дела он весьма далёк. Но именно его императрица считала «самым бесстрашным и предусмотрительным» из всех своих поданных и всецело доверяла этому богатырю.

Физическая сила Алексея была просто невероятной. Он гнул подковы; завивал, как верёвочку, кочергу; между пальцев сплющивал серебряный рубль; ударом палаша отрубал голову быку и одной рукой останавливал за колесо карету, запряжённую шестериком.

Он вызывал на кулачный бой десяток гренадёров, и бился до тех пор, пока не укладывал их одного за другим.

А главное, именно он сыграл решающую роль в государственном перевороте, возведшем на престол Екатерину...

За полгода до этого события в ничем не примечательный вечер на Миллионной улице в доме виноторговца Юберкампа четверо братьев Орловых с нетерпением ожидали Григория, который позвал их для обсуждения какого-то очень важного дела.

Алексей, или как его почтительно называли братья – Алехан, сидел, безмятежно поглядывая по сторонам, и лишь изредка поглаживал ладонью шрам на лице.

– Все ещё болит? – сочувственно спросил Фёдор, непосредственный участник трагических событий, разыгравшихся именно здесь три года тому назад.

Как не сильны были Фёдор и Алехан, но с лейб-кампанейцем Александром Шванвичем, ни тот, ни другой справиться не могли. А потому, чтобы каждый раз не лезть понапрасну в драку, они заключили с ним договор. Если, в каком заведении пирует один из братьев, то он уступает первенство Шванвичу, но если братья вдвоём, то уже он должен уступить им и бильярд, и вино, и женщин.

В тот день Фёдор был один, а потому, увидев входящего в зал Шванвича, он тут же направился искать другой кабачок. Вскоре он встретил Алексея, и они решили вернуться в покинутое Фёдором заведение. Но Шванвич почему-то не захотел следовать условиям договора. И тогда братья просто выпихнули его вон. Когда же, навеселившись, они выходили на улицу, то Алексей, шедший первым, получил удар палашом по лицу.

Шванвич был сильно пьян, и только поэтому удар не оказался смертельным.

Алексея тотчас отнесли к жившему вблизи лейб-медику, и тот мастерски зашил щеку. Рана успешно зажила, но остался шрам, благодаря которому Алексей Орлов получил прозвание – «помеченный шрамом» (*le Balafre (фр.)*).

Отличавшиеся добродушием братья не стали мстить Шванвичу – Бог да простит кающихся! — и продолжили привычную жизнь, основной целью которой было стремление раздобыть как можно больше денег для безмятежного времяпрепровождения.

Вот, кстати, и сейчас братьев все больше и больше начинало беспокоить, что уже вскоре им нечем будет расплачиваться.

– Скорей бы Гриц появился.

– Вроде он сейчас все чаще и чаще при деньгах бывает.

– Тогда бы и позвал, чтоб угостить, а то какая-то тайна.

– Так этих тайн у него...

– Ладно, не будем называть имена.

А тем временем Григорий уже повернул с Дворцовой площади на Миллионную, раскладываясь налево и направо со всеми встречающимися знакомыми. А таких у овечьего славы участника войны с Пруссией было не мало.

В сражении при Цорндорфе (одно из самых кровопролитных сражений не только той войны, но и всех других войн второй половины XVIII века), капитан армейского полка Григорий Орлов получил три раны, но не покинул поля боя. Стойкостью русской пехоты, которую не смог сломить ураганный натиск неприятельской конницей, был поражён даже Фридрих II, сказавший, что «русских мало было убить, нужно было ещё и повалить».

Весной 1759 г. Григорий прибудет в Петербург, сопровождая пленённого в том сражении графа Шверина, генерал-адъютанта Фридриха II.

Здесь Орлов продолжит службу в одном из артиллерийских полков.

Он сразу прославится в офицерской среде не только, как военный герой, но и благодаря своим кутежам и рискованным любовным похождениям. Особенно когда, став адъютантом генерал-фельдцейхмейстера графа П. И. Шувалова, закрутит роман с его возлюбленной – княгиней Куракиной...

Но вот, наконец, Григорий появился в зале и, весело выпалив: – Заказывайте все. Гуляем до утра! – шумно устроился за столом.

– Что? Так долго не отпускала?

В ответ Гриц только развёл руками.

– Богатая? – поинтересовался Фёдор.

– Богатая... Но может быть ещё богаче... Правда, с нашей помощью.

– А мы что получим тогда?
– Иван, а что у нас сейчас есть? – повернулся Григорий к «старинушке», так они уважительно звали старшего из братьев.
– После отца осталось 2000 душ на всех.
– А будет столько, что и не снилось!
– Из грязи, да в князи? – усмехнулся Алексей.
– Не улыбайся, Алехан. Все будет так, как говорю.
– Тогда, мне больше нравится быть не князем, а графом. Граф Орлов. Звучит!
– Я тоже, пожалуй, соглашусь на графское звание, – кивнул Фёдор. – только, что же от нас-то для этого потребуется?

Вскоре братья поняли, что именно потребуется, и что закончиться все это может отнюдь не радостно.

Разговор стал более тихим.

– Ну, её-то в крепость посадят, или в монастырь сошлют, а вот для нас всех дорожка будет одна – на эшафот!

– Зато, если мы её на трон посадим, то...

И знал бы кто тогда, что разговор этот повлияет на весь ход Российской истории.

Что рядом с деяниями Орловых – их лихостью, отвагой и дерзостью – все будущие героические приключения из «Трёх мушкетёров» Дюма будут казаться простой детской шалостью.

И что, в награду за свою рискованность, они, получают от щедрот императрицы 45 000 душ крестьян и 17 миллионов деньгами...

После переворота многие будут приписывать его успех именно себе.

И Никита Иванович Панин, который рассказывал всем, как беспокойно он спал в решающую ночь. Правда он был уверен, что императором станет его воспитанник – 7-летний Павел, а вот Екатерина, окажется только регентшей при нем. Даже был написан соответствующий текст манифеста, который планировалось размножить в тайной типографии.

И Екатерина Дашкова, считала, что главенствующая роль принадлежала ей. Она тоже провела очень беспокойную ночь. Зато несколько следующих дней просто не отходила от Екатерины II ни на шаг.

«Я ехала возле императрицы, участвуя в благословениях революции, не запятнанной ни одной каплей крови. Вместе с тем, об руку со мной была не только добрая монархиня, но и первый мой друг, которому я содействовала ценой жизни освободиться от губительной неволи и взойти на престол возлюбленной Родины».

Кстати сама Екатерина II относилась к ней несколько иначе: «...княгиня Дашкова... хотя и желает приписать себе всю честь, так как была знакома с некоторыми из главарей, не была в чести по причине своего родства и своего девятнадцатилетнего возраста, и не внушала никому доверия... хотя она уверяет, что всё ко мне проходило через её руки, однако все лица [бывшие в заговоре] имели сношения со мною в течение шести месяцев прежде, чем она узнала только их имена...»

А вот что писала Екатерина о братьях Орловых: «У них много здравого смысла, благородного мужества. Они патриоты до энтузиазма и очень честные люди, страстно привязанные к моей особе, и друзья, какими никогда ещё не были никакие братья; их пятеро, но только трое было здесь... Умы гвардейцев были подготовлены, и под конец в тайну было посвящено от 30 до 40 офицеров и около 10,000 нижних чинов... а главная тайна находилась в руках этих троих братьев; Панин хотел, чтоб это совершилось в пользу моего сына, но они ни за что не хотели согласиться на это»...

25 декабря 1761 умирает Елизавета Петровна.

Императором становится Пётр III, который тут же пообещал «во всем следовать стопам премудрого государя, деда нашего императора Петра Великого».

Первые манифесты – «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» (18 февраля) и «Об уничтожении Тайной розыскной канцелярии» (21 февраля). Когда он сообщил в Сенате, о намерении освободить дворян от обязательной государственной службы, то слова его были встречены с ликованием. На следующий день генерал-прокурор А. И. Глебов предложил Сенату от имени благодарного дворянства воздвигнуть золотую статую императора, но Пётр III посчитал, что: «Сенат может дать золоту лучшее назначение, а я своим царствованием надеюсь воздвигнуть более долговечный памятник в сердцах моих подданных».

Правда, царствование Петра III не продлилось и шести месяцев, за которые он успел настроить против себя и духовенство, и гвардию, и часть высшей знати.

Одно дело кривляться и строить рожи священникам во время службы, а другое требовать, чтоб в церквях оставлены были только иконы Спасителя и Богородицы, и чтоб священники обрили бороды и заменили поповские рясы на пасторские сюртуки. Издаётся указ о запрещении домовых церквей.

Император выказывает просто непомерную приверженность и любовь к Фридриху II. Он приказывает тотчас сделать себе мундир, как у пруссаков и вводит в армии жёсткую муштру и прусскую форму одежды.

Распускается Лейб-кампания, по сути, личная гвардия императрицы, созданная Елизаветой Петровной, «в которой капитанское место мы, Императорское Величество, соизволяем сами содержать и оною командовать».

Далее планирует упразднить и гвардию – этих, по словам Петра III, «янычар».

При этом государь все чаще и чаще уже до обеда выпивший несколько бутылок английского пива, до которого он был превеликий охотник, «говаривал такой вздор и такие нескладницы, что при слушании оных обливалось даже сердце кровью от стыда пред иностранными министрами, видящими и слышащими то и, бессомненно, смеющимися внутренно».

Высшее чиновничество не скрывало своего недовольства тем, что государь отдал власть клике советников, большей частью составленной из его немецких родственников.

Заключается неожиданный мир с Пруссией. Что абсолютно непонятно. Ведь в Семилетней войне был одержан ряд побед над прусскими войсками и даже захват, хоть и на несколько дней Берлина. Уже всем ясно, что совсем скоро Пруссия перестанет существовать как самостоятельное государство, и Фридриху II придётся сдаться на милость победителей. Чтобы избежать плена он носит с собой яд.

И тут Пётр III возвращает Пруссии все завоёванные территории и даже текст мирного договора составляется под диктовку Фридриха II.

Зато теперь, ради интересов Голштинии, откуда Пётр III был родом, и уже в союзе с Пруссией готовится война против Дании.

Во время празднования мирного договора государь «в энтузиазме своём к королю прусскому дошёл даже до такого... что публично, при всем великом множестве придворных и других знатных особ, и при всех иностранных министрах, стал пред портретом короля прусского на колени...»

Молва о том на другой же день разнеслась по всему Петербургу и произвела в сердцах всех россиян и во всем народе крайне неприятные впечатления».

Так что недовольных Петром III было много. Но, ... вон сколько недовольных было при Петре I, что, впрочем, нисколько не мешало ему править так, как он считал нужным.

Но Пётр III осмелился бросить вызов женщине, которая хорошо изучила Российскую историю, и прекрасно помнила, как Пётр Великий приказал заключить в монастырь свою первую жену, Евдокию Лопухину, чтобы она не мешала ему жить с любовницей Анной Монс.

В манифесте о восшествии Петра III на престол ни имя Екатерины, ни имя Павла названо не было. Я сам назначу себе наследника.

Пётр III стал открыто жить с Елизаветой Воронцовой, поселив жену в другом конце Зимнего дворца, при этом ходили упорные слухи, что он собирается развестись с Екатериной, жениться на любовнице и отречься от Павла.

«Уведите эту дуру в крепость!» – выкрикнутое спяну, могло стать страшной действительностью.

Екатерина надеется только на помощь братьев Орловых, которые «блистали своим искусством управлять умами, осторожную смелостью в больших и мелких подробностях, присутствием духа и авторитетом...»

Правда, иногда, вербовка сторонников находилась на грани провала.

Вот, как вспоминает те дни флигель-адъютант генерал-полицмейстера Н. А. Корфа – Андрей Болотов, которого неоднократно зазывал к себе Григорий Орлов для серьёзного, но так и не состоявшегося разговора:

«...сие отважное предприятие сопряжено было с явною и наивеличайшею опасностью, и всякому, воспринимающему в заговоре том соучастие, надлежало тогда, властно как на карту, становить не только своё благоденствие, но и жизнь самую... и восхотел ли б я тогда... несть голову свою на плаху... Нет! нет! никогда бы и никак я на то не согласился, и как бы г. Орлов ни стал меня уговаривать, но я верно бы его не послушался... А не могло ль бы... узнание такого страшного дела, при всем нехотении вступить в такой опасный заговор, подвергнуть меня в наимучительнейшую нерешительность... что мне тогда делать, и молчать ли о том, или довести где надлежало? ... Не стал ли б тогда меня самый долг присяге побуждать открыть толь страшный заговор самому государю?..»

Хотя сам Корф встал на сторону императрицы в первый же день переворота...

12 июня, после 3-х дневного празднование мира с Пруссией, двор во главе с императором выехал за город, в Ораниенбаум.

17 июня Екатерина приехала в Петергоф, где заняла павильон Монплеизир. Там её несколько раз навещает Алехан, чтобы обсудить подробности переворота.

Есть несколько самых разнообразных планов по пленению и даже устранению Петра III. Но все заговорщики в ожидании, которое могло бы ещё длиться, длиться и длиться.

27 июня до самого вечера Екатерина провела в хлопотах по подготовке праздника в честь святых апостолов Петра и Павла, на который вместе со всей свитой должен был приехать из Ораниенбаума Пётр III. Она и представить не могла, что это были уже напрасные хлопоты.

В тот вечер по подозрению в неблагонадёжности будет арестован один из основных участников заговора, капитан Преображенского полка Пётр Пассек. Донесение о нем отправляется в Ораниенбаум. Медлить больше нельзя и Орловы начинают действовать...

Ранним утром в спальню Екатерины вошёл Алехан. Шум шагов разбудил женщину. Она увидела склоняющегося над ней человека.

– Пора вам вставать; все готово для того, чтобы вас провозгласить.

– Как?.. Что?..

– Пассек арестован.

Екатерина посмотрела на часы. Было 6 утра. Она уже больше ничего не спрашивала, поспешно оделась и вышла в парк. Горничная Шаргородская и лакей Шкурин следовали за ней. У ворот стояла карета. Алексей сидел на козлах.

– Я даже не успела причесаться.

– Садись скорей.

– А где Григорий?

– Он и Фёдор оповещают остальных...

Карета помчалась по дороге.

Екатерина казалась спокойной. И только снова и снова, смеясь, обращалась к Шаргородской: «Ну, как же так! Великий день, а я такая растрёпанная».

И вдруг просто гомерический смех женщин заставил Орлова повернуться к ним.

– Ты только посмотри, кто идёт к нам навстречу!

Это был Мишель, французский парикмахер, который как раз направлялся в Петергоф, чтобы сделать утреннюю причёску Екатерине.

Его захватили с собой.

От быстрой езды лошади стали выбиваться из сил. Одна из них уже просто не могла идти дальше. И тут Орлов увидел мужика с возом сена. Но тот отказался поменяться лошадьми и тогда Орлов просто сбил его на землю.

– Я оставляю тебе эту лошадь. Только дай ей отдохнуть. А кличка у неё... – он усмехнулся. – Растрёпанная!

Карета поехала дальше, но медленней, чем хотелось.

– Ничего, – успокаивал Алексей Екатерину, – осталось всего 5 вёрст и нас уже должны встречать. Да вот, наверно, и они.

Это были Григорий Орлов и младший князь Барятинский. Екатерина пересела в их экипаж, и уже вскоре прибыла в казармы Измайловского полка.

«Таким образом, чтобы сделаться самодержавной властительницей самого обширного государства в мире, прибыла Екатерина между семью и восемью часами: она отправилась в дорогу, поверив на слово солдату, везли её крестьяне, сопровождал любовник, и сзади следовали горничная и парикмахер» (*Клод Рюльер*).

Из казарм Екатерина проследовала к Казанской церкви. Алексей Орлов, подъехавший туда ранее, провозгласил перед собравшейся толпой молодую государыню самодержавной императрицей. Духовенство во главе с архиепископом Дмитрием приветствовало её уже как Императрицу Всероссийскую...

Вечером в Зимнем дворце Екатерина со своими друзьями решала, что делать дальше. Около 10 часов она облеклась в гвардейский мундир, приказала объявить себя полковником, села верхом; и выступила во главе войск, в Петергоф.

Шли всю ночь. Настроение у всех было приподнятое, хотя было абсолютно не ясно, что ждёт впереди...

Ведь рядом с императором был генерал-фельдмаршал Бурхард Кристоф фон Миних, привыкший подавать войскам пример личной храбрости и просто великолепно знавший как устраиваются дворцовые перевороты. Он смог свергнуть Бирона, но был предан суду с воцарением Елизаветы Петровны. Из 20-летней ссылки его вернул Пётр III.

Узнав о бегстве Екатерины из Петергофа, он советует императору немедленно отправиться в Кронштадт. Но Пётр III не стал торопиться, а когда он вечером, подплыл к крепости, то её гарнизон уже успел присягнуть Екатерине. Тогда Миних предлагает доехать до Ревеля и отправиться в Померанию, чтобы принять там командование армией. Тогда через неделю с бунтовщиками будет покончено.

Но все происходящее повергло Петра III в неопиcуемый страх и ужас. Ночью ему несколько раз делается дурно, и он посылает за священником. У него нет сил для борьбы. Он согласен даже на отречение.

Фридрих II язвительно скажет: «Он дал прогнать себя с престола, как мальчик, которого отсылают спать». Хотя ещё совсем недавно в письмах к Петру III, называл его «искренним другом, дарованным мне небом» и добавлял, что «я воздвиг бы храмы и алтари Вашему императорскому Величеству, как существу божественному».

Отрёкшегося от власти императора отвозят в Ропшу.

Его сопровождают капитан Алексей Орлов, четыре офицера и 100 гвардейцев. Они уверены, что едут всего на несколько дней, поскольку планируется перевезти Петра III в Шлиссельбург. И даже есть вариант отправки его вместе с фаворитами в такую любимую им Голштинию, настолько его личность была уже малоопасной.

Сопровождающим даются приказания сделать его жизнь насколько можно приятной и доставить ему для развлечения все, что он захочет.

По просьбе Петра III ему доставят любимую кровать, скрипку, мопса, негра, и вдоволь бургундского, табаку и трубок, то есть все, кроме любовницы.

Для того, чтобы подготовить подходящее помещение в Шлиссельбурге, 29 июня отдаётся приказ срочно вывезти Иоанна Антоновича из крепости и доставить в Кексгольм (ныне Приозерск). Но 1-го июля во время шторма на Ладоге чуть не гибнут и узник, и его конвоиры. На просьбу прислать новое судно, приходит неожиданный приказ, вернуть узника в крепость. Обстановка резко изменилась, так как не стало Петра III.

Есть несколько версий его смерти. Непосредственные участники и свидетели тех событий своих воспоминаний не оставили, поэтому приходится довольствоваться пересказами, слухами и 3-м письмом Алексея Орлова, которое, правда, все чаще называют фальшивкой. Хотя даже его содержание: «...Он заспорил за столом с князем Фёдором, не успели мы разнять, а его уже и не стало...» подходит абсолютно под любую версию – отравление вином, задушен салфеткой после попытки отравления ядом, задушен ремнём от ружья, был заколот вилок и с ним случился апокалипсический удар.

Как же все это происходило на самом деле?

Для Петра III и его охраны единственным развлечением становятся карты и выпивка. В первый же день Алехан даёт проигравшему императору деньги, и обещает давать столько, сколько потребуется.

И Пётр III начинает играть и пить. Да только вот пить на равных с теми, кто обладал богатырским здоровьем, ему становится все более и более не под силу.

С детских лет он был слабого и хилого сложения. Хорошо знавший его польский посланник Станислав Понятовский, став любовником Екатерины, очень надеялся стать и ее мужем, уверенный, что слабосильный Пётр не жилец на этом свете.

Страх и волнение Пётр III пытается заглушить обильной выпивкой и уже слабо соображает, о чем бормочет и что делает.

Орлов пишет Екатерине: «...только урод наш очень занемог и схватила его нечаянная колика, и я опасен, чтоб он сегодняшнюю ночь не умер... он все вздор говорит и нам это несколько весело...»

И в следующем письме: «...чтоб вы чего на нас неистового подумать не изволили... а он сам теперь так болен, что не думаю, чтоб он дожил до вечера и почти совсем уже в беспамятстве о чем уже и вся команда здешняя знает и молит Бога, чтоб он скорей с наших рук убрался...»

Вскоре Орлов прискачет к Екатерине сам и стремительно ворвётся в её кабинет.

Она прервала разговор с Паниным и повернулась к нему.

– Все кончено, – тяжело дыша, сказал он.

– Кончено? – с удивлением переспросила Екатерина. – Он уехал?

Орлов что-то начал торопливо объяснять, но она уже сама все поняла и без чувств повалилась на пол. Сбежались люди. Опасались, что она не вынесет страшных судорог, сотрясающих её тело... Очнувшись, она горько заплакала. «Я опозорена!» – несколько раз повторила она. – «Потомство никогда не простит мне этого невольного преступления».

Потом она скажет Дашковой: «Вот удар, который роняет меня в грязь». – «Да, мадам, смерть слишком скоропостижна для вашей и моей славы», ответит ей та, что все ещё считала себя главной вдохновительницей дворцового переворота.

Екатерина прикажет проверить, не отравили ли Петра III.

«Я велела его вскрыть, но вполне удостоверено, что не нашли ни малейшего следа [отравы]: он имел совершенно здоровый желудок, но умер он от воспаления в кишках и апоплексического удара. Его сердце было необычайно мало и совсем сморщено..»

Издаётся Манифест о смерти императора. Петра III в его любимом прусском мундире хоронят в Александро-Невской лавре... Екатерина же готовится к коронованию и дальнейшему 34-х летнему царствованию.

Все видные участники событий 28 июня щедро вознаграждаются.

Братья Орловы, сыновья Новгородского губернатора Григория Ивановича Орлова, были возведены в графское достоинство.

Иван получил чин капитана Преображенского полка и ежегодную пенсию в 20 тыс. рублей. Он оставит службу и начнёт управлять всеми имениями братьев, подаренных им императрицей.

Григорий – 10 лет будет фаворитом Екатерины.

Фёдор был пожалован в капитаны Семёновского полка, сделан камер-юнкером, а потом камергером. За участие в Турецкой войне был награждён орденом св. Георгия 2-й ст. Вышел в отставку с чином генерал-аншефа.

Владимир был отправлен братьями за границу для учёбы в Лейпцигском университете. По возвращении в Россию назначается директором Академии Наук. Вышел в отставку с чином генерал-поручика.

Алексей – его заслуги были особо оценены Императрицей, и это принесло ему видное положение, почести и чрезмерное богатство...

Так, пожаловав ему в 1767 г. в потомственное и вечное владение подмосковное село Остров, императрица приказывает «сделать золотой кубок тысячи в две с моим медальоном и подписать так, как в старину подписывали, что оной кубок мною пожалован гвардии Преображенского полку графу Алексею Орлову на новоселье в село Остров». И она лично следит за тем «скоро ли поспеет кубок золотой».

О Екатерине будут говорить, что «она рождена быть владычицею народов».

Императрице 33 года – «... черные волосы, восхитительная белизна кожи, большие синие глаза навывкате ... очень длинные черные ресницы, острый носик, рот, зовущий к поцелую, руки и плечи совершенной формы...» (С. Понятовский).

Женщина хочет любви, мира и процветания – «все труды и попечение подьемлем для славы и обогащения народа нашего».

Она даже не возобновляет войну с Фридрихом II.

Но сильная Россия не устраивает очень многих. Особенно Францию.

В 1766 году французский министр иностранных дел Шуазель напишет французскому послу в Оттоманской Порте, Верженну «Я с печалью убедился, что север Европы подчиняется все более и более русской императрице... что на севере готовится лига, которая станет страшной для Франции. Самое верное средство разрушить этот проект и, может быть, низвергнуть императрицу с захваченного ею трона – это было бы возбудить против неё войну. Только турки в состоянии оказать нам эту услугу. Если Вы это признаете возможным и если Вы надеетесь добиться этого, то Вам будут доставлены все денежные средства, которые Вам будут необходимы».

В сентябре 1768 г. Турция объявляет войну России.

Екатерина в ярости: «Туркам с французами заблагорассудилось разбудить кота, который спал; я сей кот, который им обещает дать себя знать, дабы память не скоро исчезла... надобно было тысячи задабриваний, сделок и пустых глупостей, чтобы не давать туркам кричать. Теперь я развязана, могу делать все, что мне позволяют средства, а у России... средства не маленькие».

Когда началась война, Алексей в сопровождении брата Фёдора находился за границей, для поправки здоровья после тяжёлой болезни.

Вылечить его смог только знахарь Ерофеич, который, первым делом спросил, как тебя лечить будем: по-китайски или по-русски?

Удивился граф сему вопросу и спрашивает: «А что это значит?»

– А, то, мой государь! В Китае ежели не вылечишь, завтра же повесят; а ежели лечить по-русскому, то делать частые приезды и выманивать более денег, а ты человек богатый и от тебя можно поживиться нашему брату лекарю.

– Ты только вылечи – в обиде не будешь.

– Ну, тогда, терпи!

Ерофеич уложил Алехана в кровать, накапал в стаканчик капелек, дал выпить, потом затопил две печи и запер его в комнате заснувшего.

Когда Орлов проснулся, то вся постель была насквозь мокрой от пота. Он встал, посмотрел тотчас в зеркало, и не узнал сам себя, словно переродился весь.

Ерофеич и дальше будет лечить людей, а ещё прославится настойкой из 16 трав, носящей его имя.

Императрица, весьма участливо относившаяся к графу Орлову за время его болезни, приказала выдать ему для заграничного путешествия и на лечение 200 000 рублей.

Вот таким образом братья Орловы, приехавшие в Венецию, оказались в эпицентре всех дальнейших событий.

Алехан видит, что можно развернуть борьбу против Турции с помощью греков, которые готовы к борьбе. Только нужно оружие и поддержка российского флота. И тогда можно будет нанести удар там, где турки менее всего этого опасаются – в Средиземном море.

Он отправляет донесение в Петербург: «Выступайте с одного конца (т. е. в Молдавии и Валахии), а я бы с другого зачал. И захватил бы Константинополь, чтобы „освободить всех православных и благочестивых от ига тяжкого“».

В ответ граф Орлов получает Высочайший рескрипт от 29 января 1769 г

«Будучи совершенно надёжны в вашей к нам верности... охотно соизволяем Мы... поручить и вверить вам приготовление, распоряжение и руководство сего подвига». Для этого Алехану пересылается двести тысяч рублей, а вскоре ещё 1 688 373 руб. 6 копеек.

Екатерина сообщает Орлову, что на нанятом голландском корабле к нему готовится отправка пушек, снарядов, ружей и прочей воинской амуниции. Сообщите, в каком укромном месте это судно пристать возможно.

Вероятнее всего, тогда и приобретут братья бухту, названную позже бухтой Орловых, где и сможет разгрузиться корабль с оружием.

Уже 5 августа 1769 г. венецианские правители обеспокоено напишут русскому послу в Вене Д. М. Голицыну, что Орлов способствует вооружению корсарских кораблей против Порты, ссоры с которой Венеция очень опасалась, и что в Ливорно такие суда уже снаряжаются.

Орлов с нетерпением ждёт прибытия русской эскадры, уверенный, что как только она появится у берегов Мореи, тотчас же весь этот полуостров будет объят пламенем восстания. Но эскадра запаздывает.

При подготовке кораблей в Кронштадте воспользовались опытом плавания фрегата «Надежда Благополучия». Ещё в августе 1764 г. он с грузом железа, полотна и канатов направился отсюда в Средиземное море, прибыл в Ливорно и, простояв там почти шесть месяцев, благополучно вернулся 12 сентября 1765 г. с грузом сандалового дерева, свинца и макарон

Подводная часть фрегата была вся источена червями, поэтому корпуса кораблей для Архипелагской экспедиции обшиваются снаружи вторым рядом дубовых досок с прокладкой из овечьей шерсти, что, конечно, ухудшает их скоростные и мореходные качества.

В июле 1769 г. эскадра в составе 7 линейных кораблей, одного бомбардирского, одного фрегата («Надежда Благополучия»!!!) и 9 вспомогательных судов, которой командовал адмирал Григорий Андреевич Спиридов, отправилась в свой поход в Архипелаг. Начинается подготовка второй эскадры.

Архипелагом назовут весь обширный район Средиземноморья, охваченный действиями в ходе этой войны.

Султан Османской империи Мустафа III и его министры долго смеялись, когда французский посол предупредил их, что русские корабли могут появиться в Средиземном море. И в самом деле, воспринимать этот поход в серьёз было просто невозможно. Корабли садились на мели и налетали на рифы. На них ломались мачты и открывались течи. Кроме того, в массовом количестве болели и умирали люди.

С невероятным трудом 6 октября эскадра добралась до английского порта Гуль. Большинству кораблей потребовался ремонт. Поэтому из Гуля Спиридов смог вывести всего три судна, на одном из которых вскоре открылась сильная течь, а на другом потребовалось заменить мачты, поэтому они повернули обратно.

17 ноября 1769 г. в Средиземное море из всей русской эскадры вошёл один «Святой Евстафий».

Придя в порт Магон на Балеарских островах, который был заранее назначен сборным пунктом, Спиридов стал ожидать подхода остальных судов. К Рождеству их уже было семь и можно было начать выдвигаться к берегам Греции.

Линейный корабль «Три Иерарха», фрегат «Надежда Благополучия» и пакетбот «Почтальон» направились в Ливорно за Алексеем Орловым, а остальные прибыли в порт Витуло у берегов Мореи.

Появление российского флота вызвало огромный интерес.

Известный авантюрист Джакомо Казанова даже специально приезжает в Ливорно, чтобы предложить свою помощь Алексею Орлову в завоевании Константинополя. Он уверен, что без него тот не сможет проплыть через Дарданеллы. Но пока для Орлова важнее борьба с турками на суше.

С кораблей, прибывших в Витулло высаживается десант, который должен поднять греков (майнотов) на восстание. Первым городом, который будет взят, станет Миситра.

Под командой капитана Баркова соберётся почти 1200 человек. Они смело атакуют три тысячи турецких солдат, которые сначала укроются в крепости, но после девятидневной блокады, согласятся сложить оружие и сдаться.

На уже безоружных турок тут же набросятся майноты. У русских солдат не было столько сил, чтобы не допустить этой кровавой расправы. Перебив более тысячи человек, майноты бросились грабить и убивать жителей города – мужчин, женщин и детей...

После этого в других крепостях турки защищались, уже не думая о сдаче в плен. Когда же им на помощь стали подходить отряды турецкой армии, то майноты просто побежали с поля боя, «ни разу ни из одного мушкета не выстрелив»...

Для стоянки российского флота решили использовать Наваринскую бухту. После обстрела с кораблей и высадки десанта, была захвачена оборонявшая бухту крепость Наварин. Но вскоре пришли известия о приближении многочисленных турецких отрядов.

Прибывший в Наварин Алексей Орлов дал команду взорвать крепость и всем эвакуироваться на корабли.

К этому времени в Средиземное море придёт вторая российская эскадра под командование контр-адмирал Джона Эльфинстона.

Когда эскадры соединятся, то между Спиридовым и Эльфинстоном сразу же начнётся спор – кто кому должен подчиняться.

Пришедший к эскадрам из Наварина на корабле «Три Иерарха» Орлов не станет вникать в суть пререканий. Он примет руководство флотом на себя и прикажет поднять на «Трёх Иерарах» кайзер-флаг, сигнализирующий остальным кораблям о местонахождении главнокомандующего.

Теперь Орлову предстояло решить, что делать дальше. Сухопутные операции себя не оправдали. А для морских сражений флот, основной задачей которого было обеспечение военных операций на суше «кои непременно главный предмет всего Нашего подвига составлять должны», просто не предназначался.

Даже не будучи моряком, Орлов видел плачевное состояние большинства кораблей. Вернее, что они «не годятся ни к черту!»

И все-таки, он даёт команду о выходе объединённой эскадры на поиски неприятеля.

«Неприятельский флот виден был под парусами в канале о. Сцио. ... увидя оное сооружение, ужаснулся я и был в неведении, что мне предпринять должно...» – так будет вспоминать потом Орлов.

Турецкий флот был гораздо сильнее российского.

У русских – 9 линейных кораблей, 3 фрегата, 1 бомбардирский корабль, 1 пакетбот, 3 пинка и ещё 13 более мелких судов, около 6500 человек и 818 пушек.

У турок —16 линейных кораблей (причём корабль капитана-паши был стопушечным), 6 фрегатов, 6 шебек, 13 галер и 32 вспомогательных судна, около 15 000 человек и 1430 орудий.

Передовая линия турок состояла из 10 крупнейших кораблей. Вторая линия – из 7 линейных кораблей, 2 каравелл и 2 фрегатов.

«...но храбрость войск Вашего Императорского Величества, рвение всех быть достойными рабами великой Екатерины принудили меня решиться и, несмотря на превосходные силы, отважиться атаковать: пасть или истребить неприятеля».

Гасан-бей, величаемый титулом «Крокодил Турции», увидев русские корабли, был уверен в победе. Ещё отправляясь из Константинополя, он сказал Султану: «флот Вашего Величества многочисленнее Русского флота; чтобы истребить русские корабли, мы должны с ними сцепиться и взлететь на воздух; тогда большая часть Вашего флота останется и возвратится к Вам с победой».

Русские суда выстроились друг за другом в следующем порядке. Спиридов находился на флагмане «Святой Евстафий» и командовал авангардом (3 корабля и 1 фрегат), на его корабле был и Фёдор Орлов. Алексей Орлов находился за ними на корабле «Три иерарха» и командовал кордебаталией (3 корабля и 3 фрегата). Замыкал колонну арьергард (3 корабля и 3 фрегата) под командованием Эльфинстона на «Святославе».

В таком боевом порядке суда должны были как можно ближе подойти к турецким кораблям, а потом рассредоточиться вдоль их линии.

К бортам кораблей были заранее прикреплены шпринги – тросы, соединяющиеся с якорной цепью, с помощью которых можно было выставить, а потом и удерживать корабль в положении для наиболее эффективного использования бортовой артиллерии.

В 11 часов утра 24 июня граф Орлов дал сигнал: атаковать неприятеля.

Турки встретили приближающиеся к ним русские корабли сильнейшей канонадой.

Первыми вступил в бой «Евстафий», который атаковал корабль капитана-паши «Реал-Мустафа». Тот вскоре загорелся и многие из турок в панике бросилась в море, чтобы вплавь добраться до берега.

Русские моряки обрадовались победе. Но тут внезапно наступил полный штиль, корабль стал не управляемым, и сильным течением его понесло прямо на горящего ярким пламенем «Реал-Мустафу».

Бросившиеся на помощь «Евстафию» гребные суда ничего не могли сделать, чтобы удержать его от этого губительного сближения.

Столкнувшись с «Реал-Мустафой», русские моряки бросились на abordаж, расправляясь с турками, ещё остававшимися на борту пылающего судна.

Командир «Евстафия» капитан Александр Иванович Круз приказал быстрее залить крайт-камеру, но тут огромная пылающая грот-мачта турецкого корабля рухнула на палубу

«Евстафия». Искры и головёшки полетели в разные стороны и попали на бочки с порохом... Раздался страшный взрыв, и вся верхняя часть «Евстафия» взлетела на воздух. Следом взорвался и «Реал-Мустафа».

Круза силой взрыва швырнуло в воздух и бросило в море. Он был изранен и сильно обожжён, но у него хватило сил ухватиться за обрубок мачты. Через несколько секунд рядом с ним вынырнул упавший с того же корабля весь закопчённый артиллерийский офицер и схватился за тот же обломок. Первое, что он сказал, было: «что, Александр Иванович, каково я палил?»

Граф Алексей, увидев в пылу сражения взрыв «Евстафия», посчитал своего брата погибшим. На мгновение его даже покинуло сознание, но, придя в себя, Орлов приказал поднять все паруса и бросился своим кораблём на неприятеля...

Да и на других кораблях у моряков было только одно желание – отомстить за погибших товарищей. А потому «свист ядер летающих, и разные опасности представляющиеся, и самая смерть, смертных ужасающая, не были довольно сильны произвести робости в сердцах сражавшихся с врагом россиян...»

Да, корабли тихоходны, и команды слабо обучены, и среди экипажей много больных. Но русские моряки, как на крыльях, устремлялись к вражеским судам.

Не обращая внимания на огонь их артиллерии, они бросали якоря, вставали на шпринг, и начинали яростно палить, палить и палить в упор по турецким кораблям.

И турки, охваченные ужасом, начали лихорадочно обрубать якоря и изо всех сил нестись под защиту береговой артиллерии Чесменской бухты.

Круз с боевым артиллеристом и все другие уцелевшие – всего 58 человек из 600 – были подобраны шлюпками.

Среди спасшихся с «Евстафия» оказались Фёдор Орлов, Спиридов и Ганнибал.

На состоявшемся военном совете было решено попробовать уничтожить турецкий флот прямо в гавани, используя брандеры – специальные подрывные судна.

Их подготовку и снаряжение поручили цехмейстеру морской артиллерии, бригадиру Ивану Абрамовичу Ганнибалу. Он же отобрал добровольцев для руководства ими. Корабли, с которыми предстояло сцепиться, командирам брандеров показаны были засветло.

В ночь на 26 июня начался обстрел блокированного турецкого флота зажигательными снарядами и четыре брандера устремились к вражеским кораблям.

Правда, успешно выполнить поставленную задачу удалось только лейтенанту Ильину.

Прогремит оглушительный взрыв. Турецкие суда будут усеяны тысячей горящих обломков. И вскоре вся бухта превратится в огромный пылающий факел.

Утром Алексей Орлов приказал подобрать раненых турок и «перевезти на корабль для перевязывания ран и подания возможной помощи». Когда здоровье их поправлялось, «большому числу из них от высочайшего имени её императорского величества дана была свобода».

Вот как напишет об этой победе Алексей брату: «со флотом за неприятелем пошли, до него дошли, к нему подошли, схватились, сразились, разбили, победили, поломали, потопили и в пепел обратили».

И, как похоже на это письмо, будет донесение адмирала Спиридова: «неприятельский военный флот... атаковали, разбили, разломали, сожгли, на небо пустили, потопили и в пепел обратили, а сами стали быть во всем Архипелаге... господствующими».

И господство это продолжалось вплоть до заключения Кучук-Кайнарджийского мира 10 июля 1774 г.

«Блистая в свете не мнимым блеском, – писала Екатерина морякам, – флот наш нанёс сей раз чувствительный удар Оттоманской гордости. Лаврами покрыты вы, лаврами покрыта и вся эскадра».

Командующие будут отмечены высокими наградами. Матросов наградят годовым жалованьем и сверх того за сожжение турецкого флота ещё 187 475 рублей! Всех участников

Чесменской битвы наградят медалью с изображением погибающего флота султана и отчеканенным всего лишь одним словом: «БЫЛ».

Алексей Орлов приехавший в Петербург 1 марта 1771 г. будет торжественно принят Императрицей. В его честь будет выбита золотая медаль диаметром 92 мм, на которой вокруг портрета графа шла надпись: «Гр. А. Г. Орлов, победитель и истребитель турецкого флота», а на оборотной стороне изображена карта боевых действий и надпись: И БЫСТЬ РОССИИ РАДОСТЬ И ВЕСЕЛИЕ.

Алексей Орлов получит орден святого Георгия I степени, право именоваться Орловым-Чесменским и украшенную драгоценными камнями шпагу. В указе Екатерины II будет особо отмечено, «чтоб кайзер-флаг, который вы столь разумно умели употребить, при вас остался на всю жизнь вашу, с позволением подымать оный на кораблях наших; сверх того, дозволяем вам сей флаг поставить в гербе вашем».

Благодаря Орлову, вечное счастье Екатерины, «этого бича мусульман», приводившего турок прямо в суевёрный страх, не изменило ей и на этот раз.

«Для порядочного флота весьма трудно провести даже одну зиму в Архипелаге. Между тем... неприятель три года сряду, зимой и летом шатался по этим опасным водам без малейшего вреда, и даже нашёл средства запереть Дарданеллы своей (дрянной) эскадрой, так что ни один наш корабль не мог выйти из пролива. Все это одна из тех редкостей, которые у историков называются великим событием, потому что они выходят из порядку природы судьбы и в три столетия раз случаются». (*Ресми-эфенди, турецкий министр*).

Когда Екатерина II закажет знаменитому маринисту Якобу Филиппу Хаккерту несколько картин с изображением Чесменского сражения, то чтобы художник смог яснее представить себе весь страх и величие этой битвы, Орлов взорвёт близ Ливорно старое военное судно.

Теперь своей резиденцией он сделает один из великолепных дворцов в Пизе.

Известие о Чесменской победе, которой, как считал Орлов, «совершеннее быть не может» произвело громадное впечатление не только в Турции, но и во всей Европе.

Брат Владимир сообщит Алексею, что в английских газетах пишут, что «едва ли возможно тебя между людьми считать» и что «нет, ни одного, который бы так близко к совершенству подходил».

Вольтер в письме к Екатерине сравнит Орлова с Фемистоклом, который, как сказано у Фукидида, «отличаясь выдающейся остротой ума, был величайшим мастером быстро разбираться и принимать решения в непредвиденных обстоятельствах текущего момента и, кроме того, обладал исключительной способностью предвидеть события даже отдалённого будущего. За что бы он ни брался, всегда у него находились подходящие слова и выражения, чтобы объяснить другим свои действия, и даже в той области, с которой он непосредственно не соприкасался, умел тотчас найти здравое суждение... это был человек, которому его гений и быстрота соображения сразу же подсказывали наилучший образ действий».

Говоря о графе Алексее Орлове, иностранные дипломаты признавали в нем все качества государственного мужа: «Большое спокойствие, ясность и широта взгляда, упорство в достижении цели: только полная уверенность в успехе может побудить его предпринять что-либо рискованное». Ведь, «в этом гиганте соединились ум, удивительная проницательность, безумная храбрость, неслыханная уверенность в себе, дерзость, отсутствие всяких проявлений совести, расточительность, презрение к общественному мнению и природная доброта твёрдого человека...»

Оноре-Огюст Сабатье де Кабр (французский поверенный в делах) в своём сообщении напишет: «Граф Алексей Орлов – самое важное лицо в России... Он своим появлением затмевает всех... Екатерина его почитает, любит и боится... В нем можно видеть властителя России».

Женщина, подобная греческой богине, обладающая «прославленными восточными чарами, которые древние приписывали Клеопатре, увидит в Алехане античного героя с «богатырским сложением и геркулесовской силой», и откроет ему свои объятия.

Это будет несравненная Корилла Олимпика, ставшая олицетворением прекрасной Италии, поэтесса, увенчанная в 1771 г. в Капитолии лавровым венком, подобно Петrarке и Тассо.

Но тут в жизнь Орлова ворвётся ещё одна женщина, которую потом назовут княжной Таракановой.

С 1770 по 1773 в странах Европы, то тут, то там появлялась загадочная незнакомка. Её видели в Берлине, Лондоне, Париже и Венеции, и везде она называла себя по-разному – девица Франк, госпожа де Трёмуйль, принцесса Али Эмете, княжна Волдомир, графиня Пиннеберг.

Когда началось восстание Пугачёва, она выдаст себя за Русскую принцессу, дочь императрицы Елизаветы Петровны и заявит, что Пугачёв ей брат и воюет за её права.

Пугачёв, провозгласивший себя Петром III, будет уже восьмым по счёту воскресшим императором.

После воцарения Екатерины II, в стране было не спокойно.

Новое бабье правление не всем пришлось по нраву, тем более, что было непонятно, почему трон достался какой-то немке, а не потомкам Петра I – Иоанну Антоновичу или малолетнему Павлу. (Правда, Иоанн уже летом 1764 г. будет убит при попытке его освобождения подпоручиком В. Я. Мировичем.)

И, вообще, появилось мнение, что «как наша государыня села на царство, так и погоды не стало».

Появляются слухи о воскресшем Петре III, который после вольности дворянам собирался дать вольность крестьянам. А потом появляются и сами самозванцы. В Черногории – Степан Малый, а в самой России за 9 лет появилось целых семь Лжепетров III. И вот теперь – Пугачёв.

Во Франции, Англии, Неаполе спорят о том, кто победит: Екатерина или мужицкий царь? Пугачёвский бунт особенно радует французского короля, который писал своему посланнику в Петербурге, что «единственная цель моей политики в отношении России состоит в том, чтобы удалить ее как можно дальше от европейских дел... Все, что может погрузить её в хаос и прежнюю тьму, мне выгодно».

Вольтер в письме Екатерине II предположил, что «фарсу эту поставил кавалер Тотт». (Барон Тотт служил при французском посольстве в Стамбуле). Сама Екатерина в письмах к Вольтеру называла «другом маркиза де Пугачёва» шведского короля.

А в это время самозваная Елизавета II, для того, чтобы свергнуть Екатерину, заводит связи с польскими конфедератами, пишет письма турецкому султану, и даже пытается установить связь с Ватиканом.

В сентябре 1774 г. Алексей Орлов получает письмо, под которым стоит очень удивившая его подпись – «Елизавета Вторая, Божьей милостью принцесса всероссийская». К письму приложены «Завещание, составленное покойной императрицей Елизаветой в пользу своей дочери» и «Манифест к российским морякам», в котором говорилось, что «мы, Елизавета II... объявляем всем верным нашим подданным, что они могут высказаться только или за нас, или против нас...».

«Вот и ещё одна захотела попасть на трон с моей помощью... Да-а!.. Интересно, что скажет на это Екатерина. Война с Турцией, Пугачёвский бунт, а теперь ещё и эта напасть.

Он отсылает императрице все документы. «Почитай письмо внимательно, матушка, помнится, что и от Пугачёва воровские письма очень сходствовали сему письму. Есть ли такая в свете или нет – этого не знаю, а буде есть и хочет не принадлежащего себе, то б я навязал камень ей на шею да в воду».

Вместо того, чтобы согласиться утопить самозванку, Екатерина пишет Орлову: что если та находится в Рагузе, то «послать туда корабль или несколько, с требованием о выдаче сей

твари... и в случае непослушания... то бомб несколько метать в город можно; а буде без шума способ достать есть, то я и на сие соглашаюсь».

Самозванная Елизавета II, находившаяся уже в Риме, получает от Орлова письмо с приглашением приехать к нему в Пизу, и она принимает это предложение.

Перед отъездом, прощаясь с аббатом Роккатани, она подарит ему золотую шкатулку, в которой будет лежать небольшой белый камень в золотой оправе с несколькими рубинами. На камне будет выгравирован ворон.

Арестованный осенью 1774 года Пугачёв скажет: «Я не ворон, я воронёнок, а ворон-то ещё летает».

15 февраля самозванка, прибывшая в Пизу под именем графини Силинской, будет встречена с царскими почестями.

Для того, чтобы арестовать её и вывезти в Россию, Орлову понадобится всего неделя. Будет разыгран спектакль, в котором Таракановой позволят сыграть роль будущей Императрицы. В её честь проведут манёвры российского флота, за которыми она будет наблюдать с адмиральского корабля. Стоявший рядом с ней Алехан, которого, после возведения на трон, она обещала осчастливить и сделать своим мужем, вскоре незаметно удалится.

И этот адмиральский корабль повезёт в Россию не будущую императрицу, а узницу Петропавловской крепости. Туда же будут доставлены её вещи, среди которых в чемодане окажутся семь пар пистолетов, в том числе одни маленькие.

От пленницы, в обмен на освобождение, требуют «прямой подлинной истории» и данных о том, кто и когда сочинял подложные завещания. Допрос последует за допросом, но если Пугачёв признался, что он казак, а не Пётр III, то Тараканова не признается ни в чем!

Взамен этого она напишет Екатерине очень доброжелательное письмо: «кончим дело дружелюбно, и вы, наверное, найдёте во мне человека, который употребит остатки жизни своей для изъявления вам благодарности. Мне нет нужды в законах, ибо я ничего не имею в России, меня не знают, и я никого не знаю... Елизавета II».

«Экая каналья!» – в гневе назовёт Екатерина эту женщину, которую она считала обычной польской побродяжкой, и которая уже не выйдет из крепости. Здесь она умрёт и здесь «глубоко в землю» будет похоронена.

А дальше возникнет легенда об её смерти, запечатлённая на полотне Константина Флавицкого, и легенда об её жизни, рассказанная в повестях и романах – о жизни Княжны Таракановой, хотя она сама никогда не называла себя этим именем...

Алехан же, после ареста Таракановой, поспешит покинуть Италию. То ли его предупредили, то ли он сам почувствовал опасность и не захотел быть «от сообщников сей злодейки застрелену или окормлену ядом».

В России он будет скучать по Корилле и даже позовёт её приехать в Россию. Сама Екатерина будет активно этому содействовать, считая его возлюбленную «экстраординарным поэтическим созданием». Но приезд не состоится.

Пройдёт несколько десятков лет и Корилла посетит Россию. Её образ послужит прототипом романа Жермены де Сталь «Коринна или Италия». Роман будет восторженно читаться по всей Европе. Множество почитателей будет у него и в России. Доходило даже до того, что многие московские Екатерины перекрестили себя в Коринны, прослышав, будто оба эти имени происходят от одного греческого корня.

В начале XIX века имя Коринны стало в России нарицательным для одарённой женщины с возвышенной душой. Так прозвание «Северной Коринны» укрепилось за Зинаидой Волконской – «царицей муз и красоты»...

Екатерина очень хотела, что бы Алехан и её новый фаворит – Григорий Потёмкин стали добрыми друзьями. Но ни у того, ни у другого такого желания не оказалось.

А потому Алексей Григорьевич в возрасте 40 лет просит, из-за расстройства здоровья, отставить его от всех должностей и освободить от государственной службы.

Указом от 12 Марта 1776 г. Екатерина повелела Кабинету «определённый гр. А. Орлову секретный пенсион по 25 т. руб. на год, да, сверх одного, полное со 2 Декабря прошлого 1775 г. по генерал-аншефскому окладу жалованье, т. е. по 4682 р. 27 1/2 коп., а обоего по 29.682 руб. 17 1/2 коп., производить ежегодно и впредь ему, гр. А. Орлову-Чесменскому, по смерти его».

Причём этот пенсион в 25 тысяч рублей был назначен ещё в далёком 1766 г.

Орлов уедет в Москву уже в роли опального вельможи.

В письмах к друзьям он очень приветствовал семейную жизнь. «Не надобен клад, когда у жены с мужем лад; а гораздо хуже аду, когда нет ладу». Правда при этом отмечал, что «они нам худо верят; что нам часто очень дорого стоит вольность свою терять».

В 1782 году он все-таки и сам решил покончить с холостой жизнью.

Предварительно Алексей обратился за согласием на брак к императрице и получил от нее письмо: «и не осталось мне кроме того, что желать вам всякого счастья и благополучия в принятом вами намерении...»

Своё бракосочетание с девицею Евдокиею Николаевною Лопухиной граф Алексей Орлов праздновал в селе Острове и почти вся Москва была свидетельницей торжества, продолжавшегося несколько дней.

Через три года жена родит ему дочь – Анну, а ещё через год она скончается.

Попечения и заботы о дочери сделаются главной целью его жизни. Алексей Григорьевич, хотя порой и в несколько грубоватой форме, проявит необыкновенную нежностью и страстную привязанность к своей «ненаглядной» дочери.

Одним из близких его друзей станет Василий Владимирович Шереметев. Орлов часто посещал его дом, где его всегда приветливо принимала жена Шереметева – красавица Анна Семёновна. Иногда он встречал там её младшую сестру – Марию, о которой Шереметев говорил, что она: «к сожалению, означает природу, которую разум не в состоянии победить.» В чем, вскоре убедился и сам Орлов.

В 1785 году, выйдя замуж за Петра Алексеевича Бахметева и узнав характер и поведение мужа, Мария Семёновна долго терпеть не стала и убежала от него под защиту графа Алексея Орлова. 20-летняя девушка поселилась в его доме на правах дочери...

В конце июня 1787 г., возвращаясь из Крыма Екатерина окажется в Москве и посетит Алехана в его имении. «Долго ли тебе жить в таком доме?» – спросила она, находя, что дом его недостаточно пышен. «Изволишь знать, матушка, русскую пословицу: не красна изба углами, а красна пирогами; у меня же их много по твоей милости». И в самом деле, доходы Орлова определялись в миллион рублей, а число крестьян превышало 30 тысяч душ.

Когда началась вторая Турецкая война, Императрица предложила Алексею принять начальство над флотом, готовящемся для новой экспедиции в Средиземноморье. Орлов приедет в Петербург, где будет хорошо принят Екатериной, побывает в Кронштадте и даст Государыне некоторые указания по поводу предстоящей кампании. Но сам участвовать в ней откажется, сославшись на своё болезненное состояние. Быть под началом у Потёмкина он не захочет и вернётся в Москву.

Екатерина продолжала быть к нему благосклонна и до последних дней своей жизни регулярно обменивалась с Алеханом письмами, подарками и любезностями.

В начале 1795 г. она поблагодарит за присланный ковёр, вытканый руками умелиц из дворовых графа. А через полгода пошлёт Орлову табакерку с изображением роstralной колонны в Царском Селе в честь победы при Чесме и напишет при этом: «Вся цена её состоит в изображении того памятника, который славу вашу и знаменитые отечеству заслуги ваши свидетельствует».

Алексей Григорьевич, спросит мнение государыни, каких лошадей для ее внуков, великих князей, она предпочитает приобрести. И узнав её пожелания, «головоломных прошу не присылать, дабы не подать случай к неприятным происшествиям», посылает таких, о каких Екатерина скажет: «они прекрасные и за оных благодарю именем Моим и внуков Моих.»

Весной 1796 г. он представил Екатерине свою 11-летнюю дочь Анну.

Перед смертью Екатерина писала старому Алехану: «Разве можно забыт 24, 26 и 28 июня?» (Понедельник, среда и – день переворота – пятница. «Пора вам вставать; все готово для того, чтобы вас провозгласить...»)

Что связывало этих двух людей? Хотя порой бывают такие воспоминания, которыми озабочены все последующие годы. Молодые, красивые и бесшабашные авантюристы. Им сопутствовала удача! И их соединила такая связь, которая была выше и дружбы, и любви!..

Осенью 1796 г. Алексей Григорьевич приедет в Петербург, собираясь отсюда отправиться за границу, но задержится по случаю болезни брата Фёдора.

И тут неожиданно умирает Императрица, и начинается жизнь при новом императоре – Павле I.

Но Орлов все-таки сможет уехать.

21 мая 1797 г. он напишет из Лейпцига графу С. Р. Воронцову – российскому послу в Англии.

«О себе же теперича не знаю что сказать, какая я птица: орёл или синица. Из России выехал я по просьбе моей к водам, а сколько со мною странностей происходило, и теперича сообразиться не могу...»

А странностей и в самом деле произошло немало.

Смерть Екатерины II случилась около 11 часов вечера. Этой же ночью Павел посылает к Орлову двух своих приближенных, чтобы он был приведён к присяге.

Поднятый с постели Алексей Григорьевич, узнав о причине приезда, велел подать себе туфли и надел тулуп. Сняв со стены образ и держа в руке зажжённую свечу, он прочитал твёрдым голосом присягу новому императору и, по окончании, приложил к ней руку...

Орлов будет несколько раз приглашён к обеду в Зимнем дворце. Все видели, что он ходит, все более и более прихрамывая. Возможно, давала себя знать чудовищная нагрузка, воспринятая им много лет назад. Тогда, едучи по катальной горке с Екатериной, он стоял за её спиной. Вдруг Алехан с ужасом увидел, что колесо тележки на повороте выскочило из колеи. Ещё чуть-чуть и тележка бы вылетела с горки и рухнула вниз. Но он успел опустить ногу на опору и сильным рывком за поручни вернуть тележку в колею и тем «Минерву удержал в паденье».

В декабре 1796 г. Павел I решает провести вторичные похороны Петра III. В траурной процессии от Александрово-Невской лавры до Зимнего дворца Орлов должен нести перед гробом свергнутого им Государя императорскую корону.

Орлов был спокоен и когда Павел I несколько раз заговорил с ним в Лавре, и когда нёс корону, и когда, уже во время церемонии совместного погребения Екатерины II и Петра III был дежурным при гробах.

7-го декабря он представлен и жалован к руке в числе других лиц и обедает за высочайшим столом.

После этого Орлов, с разрешения Павла I, уезжает за границу.

Павел отпустил его, возможно понимая, что Орлов – один из главных деятелей переворота, возведшего на престол Екатерину, – спас и её и самого Павла от пожизненного заключения в Шлиссельбурге. Правда «секретный пенсион по 25 т. руб. на год» Орлову выплачивать перестали.

Он уезжает вместе с семьёй. Через некоторое время к ним присоединяется и Мария Бахметьева. Домашние графа относились к ней с большой дружбой: его дочь, графиня Анна

Алексеевна, называла её сестричкой; невеста, а потом жена его внебрачного сына Александра Чесменского, – маменькой.

Все вместе они приезжают в любезный сердцу Орлова Карлсбад, где в городском «прилегирированном Стрелковом Обществе» его просто боготворят.

Первый раз он был здесь в 1768 вместе с братом Фёдором. Они успешно постреляли в цель, а, уезжая, Алехан приобрёл для себя несколько сделанных здесь ружей.

Во второй раз Орлов приехал сюда уже в 1780 г., когда все были наслышаны о замечательной морской победе, одержанной им близ крепости Чесмы.

Орлов рассказал стрелкам, что счастливый исход битвы состоялся только потому, что из приобретённого в 1768 году в Карлсбаде ружья он смог застрелить одного из самых главных Турецких штурманов. «Знайте, Карлсбадцы! У вас я научился так хорошо стрелять». После этого в Карлсбаде более восторженного приёма, чем Орлову, никому уже не оказывалось.

Вот и в этот раз вечером Стрелковое Общество чествовало его торжественным шествием с Турецкою музыкою и двумя залпами.

Орлов поселится в Лейпциге, но откуда часто будет приезжать в Карлсбад.

В 1798 году 29 июня граф отпразднует здесь день тезоименитства своего Государя Павла I-го с такой необыкновенною пышностью, что узнавший об этом Павел даже изъявит ему письменно свою благодарность.

После воцарения Александра I, Орлов возвратится на родину.

Для него было главным увезти Аннушку, чтобы Павел I не выдал её насильно замуж. Теперь этой опасности нет!

Он приедет в Москву и вместе с Марией Семёновной поселится в Нескучном. Правда жить они будут в вечных раздорах и вечных примирениях. Она то уезжала в свой дом, находящийся неподалёку, то возвращалась, и тогда: «Я смеючись сказал: Бог да простит кающихся! Она признавалась и не чаяла, чтоб так встречена была. И теперь опять по дружески обращаемся».

Ибо, как говаривал любимый Орловым Эпиктет, которого он советовал почаще читать своим друзьям:

«Кто честно уступает неизбежности, —

Мудрец меж нами и богов устав постиг»

Среди москвичей Орлов приобретёт громкую известность щедрым гостеприимством. «Пир задаст – Москву споит!..»

По словам современников «Он полагал первейшим своим удовольствием даже предупредить просьбы ищущих его покровительства, имея неизменным правилом не казаться, а быть добрым». «Он любил простую русскую жизнь, песни, пляски и все другие забавы простонародья; он любил все истинно русское, дыша, так сказать, русским, он любил до страсти и все отечественные обряды, нравы и весёлости. Бойцы, борцы, силачи, песельники, плясуны, скакуны и ездоки на лошадях, словом все то стекалось в его дом, что только означало мужество, силу, твёрдость, достоинство и искусство Русского».

«Бороться тоже любил... Кого поборет – наградит, а коли кто его поборет – задарит вовсе и в губы поцелует». Даже под старость Алехан иногда выходил на бой и «ссаживал» бойцов, годившихся ему не то что в сыновья, но даже и во внуки.

При этом, в соответствии с правилами, в одно время между собою могли бороться только двое, а на руках у бойцов были одеты толстые кожаные перчатки, с отдельным местом для кисти руки, но без разделений для пальцев.

Орлов первым оценил своеобразие цыганского пения. Вывезя цыган из Молдавии, он собрал и организовал цыганский хор. Сначала они числились «приписными крепостными» села Пушкино, а затем граф дал им вольную.

Хором руководил Иван Соколов, и этот хор будет потом известен всем, как знаменитый «Соколовский хор у „Яра“».

Обычно после скачек перед беседкой графа Орлова пели и плясали цыгане, из них один, «немолодой, необычной толщины, плясал в белом кафтане с золотыми позументами и заметно отличался от других. Этот толстяк казался чрезвычайно искусным, даже красноречивым в своих телодвижениях. Он как будто и не плясал, а между тем выходило прекрасно, ловко, живо и благородно».

Может, видя такие танцы, прекрасной танцовщицей станет и дочь Орлова – Аннушка, на выступление которой на балах будут засматриваться даже привередливые знатоки.

*И в плясках все стремятся
Лишь по твоим следам...
...
Как флот отец твой в море,
Так ты сердца пожжёшь.*

Орлов любил псовую охоту и вывел свою породу борзых и гончих собак, которым сам вёл «подробные родословные книги». Орловские голуби – хохлатые, козырные, трубастые и почтовые – были известны всей Москве, так же как орловские бойцовые гуси и даже канарейки с особым пением. Но самым любимым детищем графа был его конский завод.

Алексей Георгиевич смог опередить свой век, создав орловскую рысистую породу, ставшую национальным достоянием России.

«Ум Орлова отличался особым складом, заставлявшем его во всяком деле стремиться к его систематизации, установке точных принципов и правил, клонившихся к улучшению и более твёрдой постановке дела».

Он хотел создать идеальную лошадь, которая, в соответствии с известной в то время теорией Бюффона, могла получиться путём скрещивания пород между собой. «Частицы совершенства, которые богом распределены между отдельными породами», при скрещивании и смешивании пород между собой «соединяются и стремятся к высшей красоте».

Алексей Орлов понимает, что его знаний для этого не достаточно, и, пребывая за границей – в странах Западной Европы и Ближнего Востока, помимо приобретения высокоценных и племенных лошадей, слушает лекции профессоров ветеринарной школы и посещает лучшие коннозаводческие учреждения.

Он следит за теорией коннозаводства и выписывает все выходившие в свет, как русские, так и иностранные книги и издания. За редкую книгу ему не жалко заплатить даже 1000 рублей.

По своим идеям Орлов намного опередит современников, для которых происхождение орловских лошадей оставалось непонятным и как бы зашифрованным. Поэтому и была так сильна дань изумления и восхищения его лошадьми, история происхождения которых скрывалась в загадочной дали, где светились легендарные бурый Салтан и белый Сметанка.

Даже сегодня процесс создания орловской верховой и орловской рысистой представляет собой интереснейшую главу в истории животноводства всех времён, ведь Орловский рысак в XIX веке считался лучшим рысаком в мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.